

САМОЦЕНзуРА ЖУРНАЛИСТОВ В ТАТАРСТАНЕ И В КРЫМУ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПЬЕР БУРДЬЕ И НОВАЯ ТЕОРИЯ ЦЕНзуРЫ

Ольга Зевелева

Ольга Зевелева, Oxford Russia Fellow, факультет социологии, Кембриджский университет; Университет Хельсинки. Адрес для переписки: Aleksanteri Institute, PO Box 42, Unioninkatu 33, University of Helsinki, 00014, Finland. olga.zeveleva@helsinki.fi.

Исследование в Республике Татарстан выполнялось при поддержке гранта «Oxford Russia Fellowship».

В статье представлены результаты сравнительного исследования журналистских социальных полей Татарстана и Крыма, которые позволяют проанализировать, как границы высказываний устанавливаются журналистами в двух регионах, различающихся по степени де-факто автономии от федерального центра РФ и вовлеченности в геополитический конфликт. На основе 70 качественных интервью и с опорой на теорию полей Пьера Бурдьё и новую теорию цензуры в статье показано, как представители власти накладывают санкции на СМИ и журналистов и как эти санкции различаются в указанных регионах. Предлагается также обсуждение стратегий, с помощью которых журналисты избегают санкций или удерживают собственный капитал в рамках поля. Особое внимание уделяется стратегиям самоцензуры и выстраиванию границ высказываний среди журналистов. На основе биографических интервью с журналистами, работающими в Татарстане и в аннексированном РФ Крыму, показано, что в более автономных регионах, где нет конфликта, социальный капитал имеет сравнительно более важное значение для журналистов, чем другие типы капитала. Это означает, что связи между людьми важны для успеха журналиста, и в таких случаях журналисты разделяют свои высказывания на те, которые они могут четко формулировать в публичном пространстве, и те, которые они могут формулировать только анонимно или «за кулисами». В регионах с меньшей автономией и в период конфликта сравнительно более важную роль играет символический капитал, то есть воспроизводство доминирующих дискурсов, которые поддерживают легитимность одной из сторон конфликта. В такой ситуации журналисты избирают стратегии мобилизационной самоцензуры, но в силу меньшего значения социального капитала не нуждаются при этом в уходе «за кулисы».

Ключевые слова: журналистика; социология СМИ и медиа; Татарстан; Крым; Бурдьё; цензура; новая теория цензуры; самоцензура

Большая часть современных исследований самоцензуры среди журналистов отталкивается от нормативного предположения о том, что самоцензура вредна для демократии (см., например: Denisova 2017; Lee and Lin 2006; Maheshwari 2019; Tapsell 2012). Такие исследования часто основаны на интервью с журналистами, которым задают прямые вопросы о восприятии самоцензуры. Анализ и результаты подтверждают заложенное в либеральный подход утверждение, что самоцензура – это непрофессиональная и вредная для профессии и демократии практика. Такое самосбывающееся исследовательское пророчество о вреде самоцензуры не позволяет нам понять, кем и как устанавливаются границы говорения среди журналистов в профессиональных контекстах и за пределами редакций и почему журналисты соблюдают эти границы. Данное исследование расширяет понимание самоцензуры, следуя «новой теории цензуры» и основываясь на теории полей Пьера Бурдьё (Bourdieu 1986, 2005, 2014); анализирует самоцензуру как сложную и постоянно пересобирающуюся архитектуру «границ высказываний», основанную на размытом понимании журналистом «правил игры» в журналистском поле и в поле власти. Практики журналистов в рамках бурдьёвистского подхода также рассматриваются не только в медицентричной оптике, то есть исключительно в контексте работы журналистов в конкретных редакциях и в качестве авторов медийных текстов, но как практики социальных акторов, действующих в разных полях одновременно.

Такой подход позволяет анализировать возведение и соблюдение границ высказываний как стратегию накопления разных типов «капиталов» (или ресурсов) журналистами (Benson 1999, 2004, 2006, 2013; Benson and Neveu 2005; Bourdieu 1998; Champagne 2005; Neveu 2007). В настоящей статье, следуя теории полей Бурдьё, журналистский «капитал» определяется как экономические, культурные и другие специфические для журналистской деятельности ресурсы, высокая концентрация которых определяет успешность журналиста в профессии (Bourdieu 1986, 2005, 2014; Champagne 2005). Таким образом, самоцензуру и соблюдение границ можно рассмотреть как продуктивную стратегию социальных акторов (то есть стратегию, которая производит смыслы и привлекает ресурсы), пытающихся избежать санкций и получить вознаграждение со стороны властных структур. Стратегии выстраивания границ высказываний могут различаться от одного журналистского поля к другому, например, в разных странах или регионах.

Я ставлю следующей исследовательский вопрос: как различаются типы капитала и стратегии его аккумуляции среди журналистов в разных регионах, имеющих разную степень автономии региональных властных институтов от федеральной власти РФ? Стратегии, на которых фокусируется данная статья, – это самоцензура, или обозначение границ возможных высказываний среди журналистов.

Чтобы ответить на этот вопрос, я обращаюсь к журналистским полям двух регионов, которые различаются между собой по степени автономии от Москвы и конфликтности вокруг их границ: аннексированный РФ Крым (управление которым в момент проведения исследования де-факто зависело от федерального центра РФ), который является объектом территориального конфликта между Украи-

ной и РФ, и который, согласно Резолюции 68/262 Генеральной ассамблеи ООН, входит в состав Украины, и Республика Татарстан (сравнительно автономный регион, входящий в состав РФ, границы которого не являются объектом конфликта). Исследование основано на анализе биографических интервью с журналистами, работающими в Крыму после аннексии полуострова, и с журналистами в Республике Татарстан.

В этой статье я представляю предварительные результаты сравнительного анализа, которые позволяют сформулировать развернутую гипотезу о том, как границы высказываний устанавливаются журналистами в двух разных регионах. Собранные эмпирические данные показывают, что в автономных регионах, где нет конфликта и поляризации, социальный капитал играет более важную роль среди журналистов, чем другие типы капитала. Это означает, что связи между людьми важны для успеха журналиста, и в таких случаях журналисты разделяют свои высказывание на те, которые они могут четко формулировать в публичном пространстве, и те, которые они могут формулировать только анонимно или «за кулисами». В регионах с меньшей автономией и во время конфликта сравнительно более важную роль играет символический капитал, то есть воспроизводство доминирующих дискурсов, которые поддерживают легитимность одной из сторон конфликта. В такой ситуации журналисты избирают стратегии мобилизационной самоцензуры на работе, но в силу сравнительно меньшего значения социального капитала они при этом не нуждаются в уходе «за кулисы».

НОВАЯ ТЕОРИЯ ЦЕНЗУРЫ

Исследователи самоцензуры сталкиваются с трудностями сбора данных и определения метода при изучении того, что *не* проговаривается, и при попытке анализировать условия формирования ограничения высказываний (Bunn 2015; Fedirko 2020; Schimpfössl and Yablokov 2020; Zeveleva 2020). Некоторые работы (например, Schimpfössl and Yablokov 2020) основаны на интервью, в ходе которых исследователь задает респонденту прямой вопрос о том, занимается ли она/он самоцензурой. Такой ход может вызвать защитную реакцию или оправдания со стороны респондента, особенно когда речь идет о журналистской работе. Некоторые респонденты могут не захотеть рассказывать об этом. Прямой вопрос о самоцензуре требует также высокой степени рефлексии у респондента и основан на предположении о том, что респондент оперирует этикой (которую я понимаю тут в антропологическом смысле, то есть как рефлексию по поводу себя самого и своего поведения), которая включает взгляд на самоцензуру извне. Самоцензуру можно также исследовать в ходе длительного антропологического наблюдения, нацеленного на понимание того, как в определенном контексте выстраиваются границы возможных высказываний. Тем не менее, такой метод влечет дополнительные методологические и теоретические вопросы, заложенные в само понятие «самоцензура»: это и структурное влияние («цензура» извне), и агентность исследуемого («само-»). Сочетание структурного контекста и агентности индивида при-

водит к вопросам о том, где заканчивается цензура и начинается самоцензура и как разделить эти компоненты эмпирически и теоретически.

Неудивительно, что исследователи чаще всего изучают именно цензуру и концентрируются на эмпирических кейсах, в которых можно четко определить цензора (Kenny and Gross 2008; Schimpfössl et al. 2020; Simons and Strovsky 2006; Tapsell 2012; Zeveleva 2020). Но есть и не очень четко очерченная группа подходов, исследований и теорий, которая выходит за пределы либерального понимания «цензуры» как внешней репрессивной практики и обращается к тому, как формируются границы возможных высказываний в обществе в целом, без явного внешнего цензора. Историк Мэттью Банн назвал эту группу подходов новой теорией цензуры (*new censorship theory*). Основываясь на работах Джудит Батлер, Мишеля Фуко, Пьера Бурдьё и других, последователи этого направления понимают цензуру как норму, заложенную в любые социальные отношения, а не как аберрацию, выделяющуюся из привычного контекста, не как нарушение «свободы слова» (Bunn 2015; Burt 1998; Post 1998). Авторы написанных в этом русле работ пытаются показать, как цензура воспроизводится социальными акторами снизу, то есть превращаются в самоцензуру в контексте воспроизводства социальных связей. Тем самым цензура может быть продуктивна, а ее агенты на всех уровнях социальных отношений воспроизводят ее в своих привычных практиках легитимизации одних высказываний и делегитимизации различных высказываний. Иными словами, самоцензура является частью (и даже движущей силой) культурного производства в целом (Burt 1998; Mazzarella and Kaur 2009; Schimpfössl et al. 2020). Практики самоцензуры поддерживают структуры власти в обществе (Bunn 2015; Butler 1987), а цензура сверху активизируется только тогда, когда перестает работать или сбивается самоцензура (то есть цензура снизу).

Есть две основные и при этом взаимосвязанные проблемы с подходами в рамках новой теории цензуры: во-первых, трудно определить границу между цензурой сверху и цензурой снизу (самоцензурой). Во-вторых, значимость, влияние и механизмы цензуры остаются в основном за пределами исследовательского внимания. В этой статье предпринимается попытка решить указанные проблемы с помощью теории полей Бурдьё, которая позволяет оперировать как структурным контекстом (цензурой), так и индивидуальной агентностью (самоцензурой). Осмысление цензуры с помощью названной теории позволяет нам анализировать самоцензуру как реакцию на цензуру и как стратегию социального агента (например, журналиста), нацеленную на удержание капитала. Тем самым цензура – это сигнал от государства, которое ограничивает высказывание или наказывает за него, отнимая разные формы капитала от цензурируемого. Самоцензура – это следующий этап, ответ на цензуру. Этот этап включает в себя стратегии социальных акторов, позволяющие удержать капитал или аккумулировать его через следование правилам игры и избегание санкций со стороны государства. Если самоцензура перестает работать или если государству необходимо поменять правила игры либо напомнить о них, то оно может снова дать сигнал сверху, а социальные акторы снизу должны интерпретировать этот сигнал как новую установку границ в их спектре возможных стратегий по удерживанию разных видов капитала. Говоря на

языке теории полей, цензура – это процесс, когда агент извне (государство) ограничивает автономию полей и диктует свои правила игры внутри журналистского поля. Самоцензура – это действие социальных акторов внутри собственного поля, учитывающее правила, которые когда-то были продиктованы извне и которые привели к границам возможных действий и высказываний.

Новая теория цензуры основана отчасти на бурдьевистском понимании распределения власти и структурных ограничений индивидуальных практик в обществе (Bunn 2015). Эта область развивалась во многом благодаря эмпирическим исследованиям цензуры в литературе (Gouanvic 2005; Sapiro 2003). Притом что существует целая группа исследователей, которые анализируют производство СМИ и медиа с помощью теории полей Бурдьё (Benson 1999, 2004, 2006, 2013; Benson and Neveu 2005; Bourdieu 1998; Couldry 2003, 2004; Davis 2010; Neveu 2007; Thompson 1995), бурдьевистские исследования СМИ и медиа редко пересекаются с новой теорией цензуры. Шаг в этом направлении был сделан группой социологов, антропологов и исследователей медиа в недавнем спецвыпуске журнала *European Journal of Communication* (Fedirko 2020; Schimpfössl et al. 2020; Zeveleva 2019, 2020), настоящая статья продолжает их работу. Далее я покажу, как журналистика может быть проанализирована с помощью теории полей и как теория полей и понятие «капитал» могут помочь нам при анализе того, как работает самоцензура среди журналистов.

БУРДЬЕВИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СМИ И МЕДИА

Бурдьё определил поле как инструмент анализа, который позволяет увидеть, как и кем социальные объекты конструируются в рамках конкретного социального контекста, и как этот контекст взаимодействует с другими контекстами. Поле отчасти задает диспозиции социальных акторов, которые находятся внутри него. В рамках полей они совершают социальные действия, которые во многом определяются их диспозициями, но при этом сохраняют в некоторой степени свободу выбора действий (Bourdieu 2005:30). Агенты внутри полей борются друг с другом за власть и за определение образа поля в глазах окружающих, тем не менее они объединены своим видением общих линий разлома и общих интересов, которые важны в рамках поля (36). Поле является сравнительно более автономным в том случае, если агенты внутри него определяют собственные правила игры. Менее автономно поле в том случае, если агенты из других полей диктуют правила игры (Benson and Neveu 2005:5). Правила диктуют набор возможных в поле практик и высказываний, а также определяют способы, с помощью которых акторы могут подниматься вверх в иерархии внутри поля. Бенсон и Нево определяют поле журналистики как часть поля власти: внутри второго встречаются самые властные агенты всех полей, обладающие максимальным количеством капитала (5). Иными словами, акторы на самом верху иерархий всех полей в обществе, а также представители журналистского поля встречаются в поле власти. Анализ журналистской сферы как поля позволяет нам не только понять, за что борются журналисты в рамках поля, но и увидеть их в более широком контексте социальных отношений через взаимо-

действие с другими полями. Это позволяет выйти из медиацентричности анализа журналистов (18).

Поля структурируются разными типами капитала, то есть формами власти внутри. Капитал в данном случае – это экономические и культурные ресурсы, а также специфические ресурсы, работающие только в журналистском поле, высокая концентрация которых определяет успешность журналиста в профессии (Champagne 2005). Журналисты, которые набирают много капитала, более успешны, а потеря капитала приводит к маргинализации журналиста в поле. Бурдые выделяет несколько основных видов капитала: экономический (деньги), культурный, социальный (связи с людьми и группами людей) и символический (капитал легитимности и признания) (Bourdieu 1986, 2014). В каждом поле есть свои формы этих типов капитала. В журналистском поле, например, посещаемость новостного сайта относится к экономическому капиталу, потому что посещаемость можно конвертировать в деньги (Benson and Neveu 2005:4). Для моего анализа наиболее важны социальный и символический капиталы, которые (вместе с экономическим капиталом) играют важную роль в татарстанском и крымском полях.

Бурдые пишет о символическом насилии, лежащем в основе формирования и функционирования государства (the state), которое достигает универсального признания в рамках своей территории через конструирование доминирующей «точки зрения», или оптики (Bourdieu 2014:68–69). Чтобы создать свою оптику, государству нужно установить доминирующие дискурсы в обществе. Дискурс, который принимается как само собой разумеющееся, называется *докса* (2014), а дискурс, вокруг которого ведется борьба и сопротивление, называется *ортодоксальным дискурсом* (Schinkel 2015:226). Если докса не вызывает вопросов или возражений, то ортодоксальный дискурс, напротив, является «официальным способом говорить о мире и видеть мир» (226). В случае Республики Татарстан причастность региона к РФ является в настоящий момент доксой, в то время как в случае Крыма РФ создает ортодоксальный дискурс российского Крыма в контексте дискурсивной борьбы с Украиной и активистами и журналистами, для которых Крым – часть Украины¹.

Следуя бурдьевистской логике анализа, мы можем сказать, что самоцензура – это стратегия, основанная на страхе журналистов потерять капитал и, следовательно, свое место в иерархии поля. Попытки удержать капитал через мониторинг

¹ Присутствие «украинской стороны» и ортодоксальных дискурсов Украины в универсуме возможных дискурсов о границах Крыма также указывает на то, что поля могут структурироваться силами, расположенными на разных «шкалах». Понятие *многошкалярных полей* ввела Лариса Буххольц в своем исследовании поля современного искусства (Buchholz 2016). Она писала о том, что поля могут включать в себя горизонтальные отношения между полями внутри одного государства (например, между журналистским и политическим), а также отношения полей с другими полями в других государствах и на международной арене (например, между журналистским полем внутри РФ и журналистским полем внутри Украины или глобальным журналистским сообществом) (Buchholz 2016:52; Zeveleva 2019). На примере крымского и татарстанского журналистских полей можно показать, что «уровни» власти (политических полей) на региональном, федеральном и международном уровнях являются разными «шкалами», которые структурируют устройство региональных журналистских полей (Zeveleva 2019).

границ высказываний – это практики, основанные на ощущениях журналистов по поводу того, как работают правила внутри их поля и как аккумулировать в его рамках капитал – то есть на основе их габитуса (Bourdieu 1986). Это ощущение вырабатывается на основе предыдущего опыта других акторов в том же поле, которые теряли капитал вследствие цензуры со стороны государства и выработали тактики, позволяющие им попытаться избежать таких санкций в будущем. Иными словами, самоцензура является типом структурной цензуры, исходящим от организации капитала внутри поля, а также реакцией на управление капиталом со стороны государства в прошлом (Fedirko 2020; Schimpfössl et al. 2020).

Самоцензура может работать по-разному в зависимости от контекста и от капиталов, которые важны в конкретном поле. Журналист может говорить о разном в разных контекстах, и это продиктовано тем, как ее или его говорение может повлиять на удерживание капитала в рамках определенного поля. В настоящей статье я показываю, как журналисты стратегически передвигаются между разными уровнями многоуровневого поля власти через разделение двух сфер, которые Джеймс Скотт называет скрытыми транскриптами (то есть закулисный дискурс) и публичными транскриптами (публичные высказывания) (Scott 1990)². Возможность уходить в скрытые транскрипты нужна журналистам тогда, когда они борются за социальный капитал в своем поле и в поле власти. Уходя в скрытые транскрипты, журналисты могут говорить о политике и обществе без страха санкций со стороны значимых для них социальных игроков.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Регионы РФ различаются степенью автономии региональных властных институтов по отношению к федеральной власти. Они различны также по вовлечению в конфликты и по геополитической значимости и на международной арене, и для федерального центра. Это влияет на контексты, в которых формируются региональные журналистские поля. В этом исследовании я сравниваю два различающихся региональных кейса: 1) недавно аннексированный РФ Крым (в официальном российском дискурсе «присоединенный»), в котором поля формируются при активном участии федеральных властей; 2) Республика Татарстан, которая отличается более высокой степенью региональной политической автономии.

После 2015 года в Крыму власти РФ перешли на включенные методы контроля крымской политики «комиссарами» из федеральных министерств и ведомств (Петров 2015). Крым также перешел из плюралистичной системы СМИ к системе высокого уровня контроля над местными СМИ со стороны российского государства, которое определяет и перераспределяет капитал (ресурсы) среди местных журналистов. Местные журналисты борются за новые формы капитала: маргинализируются те, кто не смог получить к нему доступ, а некоторые из маргинализованных журналистов ищут альтернативные источники капитала за пределами крымского журналистского поля, иногда ради этого переезжая в другие страны. В

² См. рассуждения о переводе терминов Скотта: Архипова et al. (2016:10).

случае Крыма государство борется за определение «ортодоксального» (доминирующего) образа Крыма как части РФ, в том числе через контроль над местными СМИ. Республика Татарстан, напротив, отличается более высокой автономией регионального политического поля от федерального центра, и в этом регионе не ведется борьба за «ортодоксальный» образ Татарстана как части РФ (этот образ является, в терминологии Бурдые, доксой, то есть общепринятой основой социального строя). Журналистское поле Татарстана, таким образом, формируется в контексте сравнительно автономного регионального политического поля. Сравнение Крыма и Татарстана позволит проанализировать формирование автономии журналистского поля в различающихся контекстах отношений региональной и федеральной власти, а также предложить типологию профессиональных траекторий и стратегий журналистов, работающих в различающихся по степени автономии журналистских полях.

Исследование Крыма готовилось в 2015–2019 годах в рамках масштабного диссертационного (PhD) исследования; полевая часть проводилась в 2016–2017 годах. Исследование Татарстана проводилось в 2018–2019 году, его полевая часть была осуществлена в 2019 году. В настоящей статье изложены предварительные аналитические заметки, основой их является сравнительный анализ двух регионов, которые изучались в рамках двух разных исследовательских проектов. Крымский этап проекта был более масштабным, в то время как исследование в Татарстане и анализ собранных на этом этапе данных в настоящий момент все еще продолжаются. Для более систематического сравнения Крыма и Татарстана в будущем я планирую привлечь дополнительные данные, которые позволят уточнить и развить соображения, изложенные ниже.

Эмпирическую базу работы составляют 70 интервью, записанных на диктофон и транскрибированных (за исключением двух интервью, которые участники исследования просили не записывать на диктофон и которые анализируются по заметкам, сделанным в процессе беседы). Продолжительность интервью составляла от одного до трех часов. Интервью проводились в основном в ходе полевых поездок, в нескольких случаях – по «Скайпу». База включает биографические интервью с журналистами, работающими в Крыму (38 чел. в Симферополе³), и с журналистами, работающими в Республике Татарстан (14 чел. в Казани). Для анализа того, как другие поля (особенно представители политического и правозащитного полей) взаимодействуют с журналистами и для понимания того, как внешние акторы видят журналистское поле, были собраны полуструктурированные интервью с федеральными медиаменеджерами (10 интервью), правозащитниками (с двумя

³ Крымская база интервью является частью более широкого исследования крымского журналистского поля, которое включает 55 биографических интервью с оставшимися в Крыму местными журналистами; 26 биографических интервью с уехавшими или бежавшими из Крыма журналистами, которые до 2014 года работали в местных СМИ; 22 экспертных интервью с медиаменеджерами и представителями властей в Москве и Киеве (включая бывших главных редакторов и генеральных директоров основных российских государственных информационных агентств, главных редакторов ключевых российских и украинских СМИ, представителей российских и украинских союзов журналистов, и. о. министра информации Украины и др.).

правозащитниками, работающими в Киеве по крымской тематике, и тремя правозащитниками в Татарстане) и чиновниками (3 чел. из Татарстана)⁴.

Выборка респондентов в обоих регионах выстроена по принципу максимальной вариации по СМИ, в которых они работают: в нее вошли представители системных и несистемных СМИ; несистемных, но финансируемых государством СМИ. Они различаются между собой по типам доступа к чиновникам и могут избирать различные стратегии взаимодействия с властями. Структура выборки позволяет мне провести сравнение журналистов, работающих в Татарстане, с журналистами крымских СМИ, которых я опросила в рамках более раннего проекта. Выборка среди правозащитников и чиновников Республики Татарстан выстроена с помощью рекомендации респондентов. Включение интервью с правозащитниками и чиновниками в исследование позволило проанализировать то, каким образом чиновники используют медийный капитал в рамках политического поля Татарстана, и то, каким образом правозащитники используют СМИ в качестве медиатора в коммуникации с чиновниками. В исследование включены полуструктурированные интервью с федеральными медиаменеджерами для анализа контекста работы СМИ в федеральном центре и в регионах и для понимания связей между федеральными и региональными СМИ, то есть для анализа разных уровней или «шкал», которые структурируют региональное журналистское поле.

Методологический инструментарий биографической социологии позволяет реконструировать профессиональные траектории и понимание полей и капиталов среди журналистов, работающих в местных СМИ Татарстана, и сравнить их с журналистами, работающими в Крыму. Особенное внимание уделялось нарративам респондентов, которые описывают практики взаимодействия с представителями политических элит, меняющимся журналистским практикам (например, переходу от фриланса к официальной занятости, меняющейся системе аккредитации СМИ, паттернам предложения тем на летучках, взаимодействию местных СМИ с федеральными и т. д.) и ценности разных ресурсов и характеристик в работе.

Анализ собранных данных проводился в два этапа. Первый этап основывался на экспертных интервью, в ходе которых я задавала вопросы о самых влиятельных местных медиа, и на базах цитирования «Медиалогии»⁵, с помощью которых я создала списки самых цитируемых медиа в Крыму и в Татарстане, работающих на протяжении последних шести лет. Это позволило проследить динамику влиятельности и популярности медиа на местном медиарынке.

Второй этап – предварительный анализ биографических интервью с журналистами. Интервью были транскрибированы и прокодированы путем выделения основных тем, которые всплывали в интервью. В ходе работы я уделяла особое внимание любым описаниям того, что помогало журналистам продвигаться в карьере или создавать материалы, которые они сами или другие воспринимали как успешные. Эти описания указывают на типы капитала, которые важны для журна-

⁴ Из-за проблем доступа на данном этапе не были проведены интервью с чиновниками, работающими в аннексированном Крыму.

⁵ <https://www.mlg.ru>.

листов в поле. Особое внимание уделялось теме границ возможных высказываний. Операционально данная тема включала в себя любые рассуждения респондентов о том, что они говорят или не говорят в публичном пространстве, в ходе нашего интервью, в своих репортажах и материалах. Прямые вопросы про самоцензуру не задавались, но эта тема анализировалась в ходе прочтения транскриптов через описание респондентами собственных практик или через их ремарки по поводу того, что «можно», «нельзя», «не нужно» говорить или писать – не только в репортажах, но и в любом социальном контексте, включая наши социологические интервью. Это позволяет увидеть журналиста в более широком контексте социальных отношений и понять взаимодействие между высказываниями в разных контекстах в жизни журналиста как социального актора.

Ниже представлен предварительный сравнительный анализ журналистских полей и стратегий в Крыму и в Татарстане. В каждом случае показано, как представители власти накладывают санкции на СМИ и журналистов и как эти санкции различаются в двух регионах. Предлагается также обсуждение стратегий, с помощью которых журналисты пытаются избежать санкций или удержать собственный капитал в рамках поля, несмотря на угрозу санкций. Особенное внимание в работе уделено стратегиям выстраивания границ высказываний среди журналистов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: КРЫМ

При анализе журналистского поля Крыма необходимо проследить динамику изменений, произошедших в медиаландшафте региона за последние несколько лет. Сначала я опишу события 2015–2016 годов как переломный период в развитии СМИ Крыма, период цензуры и попыток государства наложить жесткие санкции на те СМИ и журналистов, которые не вписывались в новую политическую систему. Далее я опишу практики самых успешных журналистов и редакторов в крымском поле, сформировавшиеся после этого перелома и воспроизводящие заложенную в 2015–2016 годах структуру поля.

САНКЦИИ СО СТОРОНЫ ВЛАСТЕЙ: НАСИЛИЕ, БЮРОКРАТИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Стратегии государства, описанные ниже, привели к обозначению дискурсивных рамок возможных высказываний в СМИ, которых придерживались журналисты после 2016 года. Стратегии журналистов концентрировалось на аккумуляции символического капитала, в то время как социальный капитал среди местных журналистов стал сравнительно менее значимым после 2015 года. Важно отметить, что социальный капитал не полностью потерял значимость в крымском поле, но утратил сравнительный вес по отношению к символическому капиталу в этот период.

После аннексии Крыма, в 2015 и 2016 годах, многие журналисты столкнулись с тем, что их деятельность начали ограничивать бюрократически (административно) и с применением насилия со стороны представителей власти. Речь идет об обысках в домах журналистов и их родственников, судах, официальных отказах в регистрации некоторых СМИ, что привело к закрытию или переезду целых редакций крымских СМИ в Киев.

Ключевое изменение для журналистов пришлось на весну 2015 года. 1 апреля этого года завершился «переходный период» перерегистрации местных СМИ по российским законам. До этого момента действовали украинские разрешительные документы на вещание и распространение СМИ. Из 3000 СМИ, которые работали на полуострове до этого момента, Роскомнадзор зарегистрировал к началу апреля 232⁶ (Freedom House 2017)⁷. Некоторые из самых влиятельных и цитируемых СМИ в регионе до 2015 года не были зарегистрированы Роскомнадзором (подробный обзор закрывшихся СМИ и тех, которые заняли место самых влиятельных и цитируемых в регионе после 2014 года, см. в Zeveleva 2019).

В 2015 году был проведен ряд обысков в домах крымских журналистов и их родственников⁸. Обыски продолжились и в 2016 году: в апреле их провели одновременно у семи журналистов⁹. Весной 2016 года также возбудили дело против крымского журналиста Николая Семены, а в 2017-м начался суд. Его обвиняли в сепаратизме, то есть в «публичных призывах к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», в связи со статьей, опубликованной в 2015 году под псевдонимом в разделе «Мнение» на сайте «Крым.Реалии»¹⁰. В тексте было написано, что Украина «должна вернуть Крым»¹¹. Его приговорили к 2,5 годам лишения свободы условно с запретом заниматься публичной деятельностью на 3 года¹². Также Николая Семену и крымскую журналистку Анну Андриевскую включили в российский «перечень террористов и экстремистов». Несколько журналистов, тесно общавшихся с теми, у кого проводились обыски, уехали из Крыма из-за опасений, что у них тоже начнутся проблемы с правоохранительными органами (в том числе журналисты, сотрудничавшие с изданием «Крым.Реалии»). Редакция проекта «Крым.Реалии»

⁶ «Завершен переходный период регистрации СМИ Крыма», *Роскомнадзор*, 6 апреля 2015 г. <https://82.rkn.gov.ru/news/news77872.htm>. «В Крыму зарегистрировано 232 СМИ», *Регнум*, 3 апреля 2015 г. <https://regnum.ru/news/society/1911903.html>.

⁷ По разным оценкам, до 2015 года на полуострове работали около 3000 СМИ, однако всего около 200 из них были регулярно выходящими и работающими медиа (согласно интервью с представителями Союза журналистов РФ).

⁸ «Russian FSB Agents in Crimea Charge Journalist, Interrogate Another», CPJ, Committee to Protect Journalists, March 13, 2015. <https://cpj.org/2015/03/russian-fsb-agents-in-crimea-charge-journalist-int.php>.

⁹ Иван Жилин, «Свой в своего всегда попадет: Свобода слова по-крымски: журналисты пишут друг на друга доносы в ФСБ и травят коллег из зарубежных изданий», *Новая газета*, 4 октября 2017 г. <https://novayagazeta.ru/articles/2017/10/04/74063-svoy-v-svoego-vseгда-popadet>.

¹⁰ Правозащитный центр «Мемориал». <https://memohrc.org/ru/news/memorial-schitaet-nezakonnym-i-politicheski-motivirovannym-ugolovnoe-presledovanie-krymskogo>.

¹¹ Валентин Гончар, «Блокада – необходимый первый шаг к освобождению Крыма», Крым. Реалии, 11 сентября 2015 г. <https://ru.krymr.com/a/27240750.html>.

¹² Андрей Сабинин, «В Крыму журналист Николай Семена приговорен к 2,5 годам условно за призывы к сепаратизму», *Агора*, Международная правозащитная группа, 22 сентября 2017 г. <https://www.agora.legal/news/2017.09.22/V-Krymu-zhurnalist-Nikolai-Semena-prigovoren-k-25-godam-uslovno-za-prizvyv/574>.

уехала в Киев и продолжает работать удаленно. Некоторые журналисты, которые сотрудничали с изданием и продолжают жить в Крыму, опасаются за свою безопасность, и, как свидетельствуют материалы интервью, часть из них даже избегает общения с бывшими коллегами по изданию в мессенджере «Фейсбука».

Включение именно журналистов из Крыма в список террористов и экстремистов указывает на высокую степень секьюритизации информационного пространства полуострова и на серьезные санкции, которые грозят тем, кто не соблюдает правила границ новых допустимых дискурсов на страницах СМИ и в эфирах. Проведение обысков в домах журналистов в рамках уголовного дела против одного из них также указывает на то, что власти избрали «легалистские» методы борьбы с критически настроенными журналистами, подвергающими сомнению «новые», «российские» границы полуострова, а также границы возможных высказываний про Крым. Эти «легалистские» методы включают в себя судопроизводство, занесение журналистов в официальные списки террористов и экстремистов и запреты на вещание через отказ в регистрации некоторым СМИ.

После 2016 года среди наиболее цитируемых (по данным «Медиалогии») или влиятельных СМИ (по данным опроса 36 ключевых информантов, проведенного в 2016–2017 годах и описанного в Zeveleva 2019) оказались в основном издания, финансируемые государством. Но в числе цитируемых и влиятельных СМИ, согласно анализу (Zeveleva 2019), тем не менее оказалось и два издания, которые их главные редакторы описывают именно как «частные» СМИ: информационное агентство X (анонимизированное, занимающее топовые позиции по цитируемости в период после аннексии) и газета Y (анонимизирована; ее опрошенные журналисты называли известной местной газетой и некой «школой» местной журналистики, несмотря на то, что, по оценкам опрошенных, она популярна в основном среди пенсионеров). Из нескольких интервью с местными журналистами следует, что позиционирование информационного агентства X в качестве частного СМИ не вполне верно, и оно, по мнению некоторых журналистов, финансируется из государственного бюджета или конкретным чиновником. В любом случае редакционная политика и X, и Y является провластной, пророссийской и даже «патриотической». Главный редактор газеты Y в ответ на вопрос о редакционной политике его издания, описал ее так:

Мы говорим, что Y – открытая пророссийская газета. Для нас Россия – Родина, а не за граница. Это было самым главным. Мы – открытая оппозиция украинскому государству. [...] Поэтому это наша политическая линия. Если были случаи в самом начале, когда кто-то ее не разделял в части про открытую российскую газету, эти люди сразу же уходили. Потому что я считаю, что плюрализм в одной отдельно взятой голове, какой является редакция газеты, – это шизофрения. Мы должны быть все единомышленниками. Мы можем расколоться в средствах достижения каких-то приемов мастерства того или иного или спорить по каким-то отдельным случаям, но в главном мы должны быть едины, иначе нельзя. Газета – это, что бы там не говорили, о чем бы газета не писала, хоть даже это «Мурзилка», – это политически-идеологический орган, это идеологическая машина (полевые материалы автора).

О событиях 2014 года главный редактор газеты Y говорит следующим образом: «Мы боролись все 25 лет, боролись с украинским государством. Потому что мы не признаем Украину как государство, мы не признаем украинский язык, мы ничего не признаем. Для нас Россия – родина, мы хотим в Россию. Хотели – и мы победили. Это наша мечта исполнилась». В его словах «мы» – это в том числе и редакция газеты. Таким образом, он позиционирует газету в качестве пророссийского идеологического проекта, и в его редакции важную роль играет символическое согласие сотрудников с этой позицией и готовность работать так, чтобы символически поддержать образ Крыма как российского региона.

Информационное агентство X в описании редакционной политики на собственном сайте также заявляет о своей позиции по вопросу принадлежности Крыма:

Агентство X было создано 11 марта 2014 года – в период Крымской весны, когда жители полуострова готовились к проведению судьбоносного референдума о самоопределении. В те дни крымчане оказались в условиях информационной изоляции и пропаганды со стороны Украины и пришедших там к власти радикальных и националистических формирований. X обеспечил доступ жителей полуострова к информации о происходящих в республике событиях, решениях новой власти, политических и экономических процессах.

В разделе «О редакции» на сайте информационного агентства среди элементов, структурирующих публикацию материалов, фигурирует «гражданская позиция» сотрудников редакции: «Сотрудники агентства уважают мнения спикеров, стараются учитывать позицию всех заинтересованных сторон. Но при публикации материалов редакция руководствуется исключительно журналистской этикой, здравым смыслом и собственной гражданской позицией».

Таким образом, мы видим, что даже два значимых местных СМИ, которые позиционируют себя как частные, заявляют об открытой антиукраинской, пророссийской позиции. Те СМИ, которые остались за пределами символического влияния или финансового контроля РФ, потеряли свои места в местном крымском медиапространстве, закрывшись из-за невозможности перерегистрироваться в 2015 году или переехав в Киев, чтобы продолжить работу дистанционно.

Рассмотренные выше примеры указывают на то, что власти в 2015–2016 годах начали жестко обозначать границы возможных дискурсов и редакционных политик. В результате символический капитал стал для местных журналистов наиболее значимым типом капитала.

На основе интервью, которые я провела в Крыму, можно предположить, что социальный капитал при этом стал играть менее заметную роль после аннексии. Например, среди маргинализированных после 2014 года журналистов (то есть журналистов, которые стали занимать более низкие строки в иерархии местного журналистского поля в плане финансов и устойчивой занятости на рынке труда в области медиа) были многие, у кого был высокий уровень социального капитала до 2014-го. Однако после 2014 года этот капитал перестал им помогать взбираться на вершину в иерархии поля. Одна журналистка отметила, что в российском контексте в Крыму после этого года важен диплом о высшем образовании: «Сейчас я

понимаю, что да, образование нужно. У меня хорошая карьера была, но я не могу устроиться на ту работу, которую действительно хотела бы. В России с этим все намного серьезнее». Другой журналист рассказал, что раньше он легче получал доступ ко всем официальным мероприятиям, мог работать стрингером для разных СМИ и много зарабатывать, а сейчас у него меньше возможностей для стрингерства и более низкий заработок; он замечает, что доступ к источникам легче получают другие журналисты, которых он не знает. Он описал, что старые «контакты» больше не отвечают на телефонные звонки, старые связи перестали ему помогать в карьере.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ САМОЦЕНЗУРА СРЕДИ ЖУРНАЛИСТОВ

В этом разделе представлен анализ одной из стратегий самоцензуры среди местных крымских журналистов. Эту стратегию я назвала мобилизационной, потому что она нацелена на участие в борьбе против внешнего врага в период, который расценивается журналистом как временный и вынужденный. Эта стратегия привела к росту в карьере журналиста и связана с символическим позиционированием полуострова как успешного региона, в котором происходят положительные изменения.

Здесь я расскажу о стратегии журналиста, который стал успешным в местной иерархии поля, возглавив новостной отдел государственного СМИ. Анализ именно этого случая показывает, какие стратегии аккумуляции капитала представляются приемлемыми и желаемыми в поле.

Журналист по имени Ф. (имя анонимизировано) освещал местные новости для одного из российских федеральных СМИ в 2014 году. Он описывает, как цензура «из Москвы» научила его принимать новые правила игры, как появился спрос на позитивные новости о полуострове. Ф. рассказал о своей работе с федеральным СМИ:

[В Москве] просили больше какой-то позитивной эмоции давать из Крыма. Бывало, что мы снимали заброшенные заводы – огромные судостроительные в Севастополе, например, – то, что нам осталось от Украины, например, разруху. Это было процентов 30–40 на тот момент. Возможно, сейчас политика изменилась, я уже два года как не работаю там. На тот момент просили больше предприятий, которые изготавливают розовую прекрасную крымскую соль, или какие-то археологические памятники, которыми Крым гордится. Больше такого. Конечно, и политику, мы все это давали. Но не залезать в какую-то чернуху, депрессивные какие-то вещи – вот это просили не делать (полевые материалы автора).

Ф. рассказал, что перенес эти принципы в свою работу в местном крымском государственном СМИ, когда стал высокопоставленным редактором:

Мы очень аккуратно освещали крымскую тему [для федерального СМИ], и собственно сейчас [в местном СМИ] мы продолжаем это делать. В каком плане? Как мы понимаем, сейчас в этой сложной политической ситуации существует очень много оппозиционных СМИ. Их, конечно, большинство в Украине,

не здесь. И для того чтобы не дать повода неосторожным словом или каким-то негативом, или не дать повода для новых каких-то инсинуаций против полуострова, каждое слово проверялось. Принцип примерно такой: говорите всю правду, но без субъективной эмоциональной оценочной составляющей. Наверное, так. И даже если журналист немножко – так как мы все крымчане, мы все переживаем за какие-то темы и так далее – и его тоже иногда заносило, но это нормально. Очень сложно оставаться – для этого редактор и есть. Нам звонили из Москвы и говорили: «Ребята, мы тут подправили текст, давайте вот так вот». Но ничего криминального. Я принимаю эту позицию абсолютно. Потому что в Крыму очень сложный период, и мы понимаем, что есть очень много вещей, которые пошли не совсем так, как большинство крымчан видело и хотелось бы, и так далее. Я считаю, что Путин все видит и в Крыму все хорошо. Просто нужно время. И многие из нас запаслись терпением. Я думаю, что все будет хорошо. Главное, что мы в России (полевые материалы автора).

Из приведенного фрагмента интервью видно, что журналист занимается самоцензурой ради поддержки стороны, на которую он встал (России), и ради того, чтобы «враги» не получали поводов писать негативные новости о регионе. Эта мобилизационная самоцензура, нацеленная на поддержку России в период трудной геополитической ситуации вокруг Крыма, связана с трактовкой роли журналиста как гражданского актора, вовлеченного в конфликт.

Другие журналисты, работавшие с федеральными российскими СМИ, отметили, что более сильное вмешательство в обычную работу через московский контроль местных журналистов произошло уже в конце декабря 2013 года, до референдума: «Вот примерно с 27 декабря, когда триколоры появились над зданиями. То есть когда этот регион стал становиться российским, появились какие-то внутрироссийские правила игры. До этого воспринимали Крым как малоинтересную зарубежную территорию, помимо флота, естественно». Журналист объяснил: «Именно тогда мы столкнулись с пропагандой, то есть с какими-то заданными требованиями к сюжету, которые не создавались на месте, а были продиктованы центральной редакцией. Мне это тоже не понравилось. [...] До [этого] редакционная политика по отношению к Крыму была абсолютно индифферентна» (полевые материалы автора).

О том, как социальные связи работают на региональном уровне и воспринимаются Москвой, другой журналист, работавший до 2014 года на российское СМИ, рассказал следующим образом:

Нам иногда диктовали, что с сегодняшнего дня Пупкин – это самый главный русский человек в Крыму и мы должны освещать деятельность Пупкина в приоритетном режиме. Допустим, таких Пупкиных на моей памяти поменялось где-то пять, это были такие соотечественники, которые как бы возглавляли соотечественников, которые являлись друзьями России. Эти фигуры вызывали большие сомнения у местных, и мы их знали прекрасно. Были в редакции такие ситуации, когда, например, я говорила: «Вы знаете, а почему Пупкин-то? Он же негодяй». Мне говорили: «Да как же негодяй?» – «Да так и негодяй, мы его прекрасно знаем. Это человек нечестный и непорядочный по многим причинам». Мне отвечали: «Как думаешь, кто лучше знает, кто главный русский в

Крым: ты или Путин?». Я говорю: «Конечно, я. Путин ведь в лучшем случае видит личное дело человека или говорит с ним, когда он надел костюм, побрился и ведет себя очень вежливо. А мы его наблюдаем в других неприглядных сценах и понимаем, что вчера, как и большинство тех, кто сейчас во власти, – до этого они были все в “Партии регионов” Украины, до этого они были в партии социал-демократической Украины, и в какой-то момент даже нам, работающим [в федеральном СМИ России], говорили, что москалей сюда не пускаем» (полевые материалы автора).

По этому описанию видно, что журналисты, работающие в регионе, воспринимают местных активистов и ньюсмейкеров иначе, чем редакции в Москве. Если после 2014 года в Крыму усилился ручной контроль со стороны московских редакций над производством новостей про Крым, то местная специфика репутаций и социальных связей могла учитываться в журналистской работе меньше, чем если бы решения принимались в большей мере местными журналистами, у которых своя история личных связей. Тем самым переход к большему влиянию московских или приехавших в Крым редакторов привел к девальвации социального капитала в крымском журналистском поле после 2014 года.

Несмотря на рассказы о самоцензуре и о цензуре «из Москвы», всего лишь трое респондентов в Крыму попросили анонимизировать интервью, притом что такая возможность предоставлялась в конце интервью всем респондентам (тема анонимизации социологического интервью затронута ниже в анализе журналистского поля Татарстана).

Из представленного выше анализа крымского журналистского поля мы видим, что одна из стратегий аккумуляции символического капитала среди журналистов включает в себя мобилизационную самоцензуру. Санкции в поле тоже символические: это отказ предоставлять лицензию ряду СМИ и дискредитацию критически настроенным журналистам. Социальный капитал перестал работать предсказуемым образом: журналисты, которые до 2014 года были среди самых успешных, утратили доступ к официальным мероприятиям и чиновникам. Несмотря на то, что в журналистском поле они остаются известными, возможности карьерного роста для них сократились, а доходы упали. Тем не менее существование в поле маргинализированных журналистов, не позиционирующих себя как прокремлевских, говорит о том, что журналистское поле не сводится к политическому. Оно сохраняет некоторую степень «автономной» логики в форме признания маргинализированных журналистов частью местного журналистского сообщества.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ: ТАТАРСТАН

В интервью, собранных в Татарстане, действия государства описывались не в терминах «цензуры», а как сложная сеть социальных связей и взаимопонимания или недопонимания между людьми. Линии разлома в рассказах респондентов были проведены не между государствами (как в Крыму), государственными структура-

ми и всеми остальными, а между индивидуальными социальными акторами, отношения между которыми могут иметь последствия для целых групп людей или изданий. Предварительный анализ собранных в Татарстане данных также не выявил описаний случаев самоцензуры в журналистской работе среди респондентов, однако в глаза бросается другой принцип выстраивания границ высказываний – через уход в анонимность в ходе социологического интервью. Ниже анализируются эти сюжеты, и на основе предварительного анализа данных и сравнения с Крымом выдвигается гипотеза о том, что социальный капитал более значим в журналистском поле Татарстана, чем в журналистском поле Крыма.

АНОНИМНОСТЬ РЕСПОНДЕНТОВ И СКРЫТЫЕ ТРАНСКРИПТЫ

В отличие от респондентов в Крыму, в Татарстане большинство интервьюируемых и среди журналистов, и среди чиновников (за исключением трех) предпочли сохранить полную анонимность, многие переспрашивали об условиях анонимности и дополнительно выражали свою обеспокоенность тем, чтобы их имена и аффилиации не фигурировали в исследовании. Для того чтобы проанализировать эту тенденцию как эмпирический и социологически значимый факт, нужно сначала понять, что такое социологическое интервью и как оно соотносится с социальными миром респондента. Иными словами, если респондент готов что-то говорить в рамках социологического интервью, но не готов говорить это открыто от своего имени, например, в опубликованных материалах исследования, то что это говорит о том, как респондент понимает разницу между высказыванием в социологическом интервью и публичным высказыванием под своим именем? Об этой разнице можно рассуждать с помощью понятия Скотта о публичных и скрытых транскриптах. Если респондент готов о чем-то говорить в скрытом транскрипте, то это свидетельствует о том, что в публичном поле (в публичном транскрипте) она или он избирает определенные продуманные стратегии, которые могут исключать некоторые высказывания. Эти публичные стратегии скорее всего нацелены на избежание санкций, которые могут последовать, если скрытое станет публичным. По этой причине респонденты проводят линию между тем, что они готовы высказать анонимно, и высказываниями, которые они готовы делать под собственным именем во всех остальных контекстах. «Им же тут работать еще», – сказал мне один из респондентов в Татарстане, когда мы обсуждали мое исследование. Такой анализ стратегий респондентов-журналистов вне рабочего контекста, а именно во время социологического интервью, косвенно указывает на то, что респондентам в Татарстане важно сохранить именно социальный капитал. Их высказывания могут повлечь за собой потерю контактов и источников, которые важны для журналистской деятельности. Социальный капитал принимает следующие формы и трансформируется в рамках журналистского поля в Татарстане таким образом: он обеспечивает доступ к ньюсмейкерам; дает журналисту понимание расклада политических сил; дает возможность включать прямые цитаты чиновников и ньюсмейкеров в журналистские материалы; приводит к дальнейшим связям, которые обеспечивают данные и информацию для журналистских материалов; дает возможность выпустить «эксклюзивные» и уникальные материалы; наконец, все

вышеперечисленное приводит к цитируемости в других СМИ. Приведенные ниже данные подтверждают эту гипотезу.

САНКЦИИ СО СТОРОНЫ ВЛАСТЕЙ: НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

В этом разделе описано журналистское восприятие того, как представители власти взаимодействуют с местными СМИ и распределяют ресурсы среди журналистов и СМИ через наказания, или, наоборот, поощрения. Анализ нарративов журналистов дополняется примерами из интервью с местными чиновниками и наблюдениями, сделанными в ходе их взаимодействия со СМИ. Социальные связи имеют сравнительно больший эффект для журналистов в поле, чем содержание или политическая направленность публикаций в конкретном издании. Притом что символический капитал всегда является структурирующим элементом любого поля и его иерархий, именно социальный капитал, как следует из анализа, фигурирует в рассказах респондентов из Татарстана как важный элемент, структурирующий их карьеру.

Одна из тем, упоминавшихся респондентами в Татарстане, – тема «предательства», которое, как следует из интервью, может повлечь за собой санкции и для журналистов, и для целых издательств. Крымскими респондентами слово «предательство» не использовалось, хотя употреблялось определение «вражеский». «Врагами» называли только тех, кто уехал из Крыма в Киев или работает «на врага», то есть на гранты из США или из европейских стран. Таким образом, «вражеский» лагерь для респондентов, работающих в Крыму, определен выбором государств и геополитических акторов как «стороны», которую может поддержать журналист: в записанных нами нарративах есть те, кто выбрал Крым и Россию, а есть «враги», которые выбрали «Запад» и Украину. Не все респонденты придерживались такой дихотомии, но несколько известных в регионе журналистов воспроизвели именно такое разделение, и в их рассказах не фигурировали личные истории отношений между людьми в ходе разделения коллег и знакомых на «своих» и врагов». Если «враг» – это символическая категория, связанная для моих крымских респондентов с государствами и геополитикой, то «предатель» – это тот, кто прежде был близок, с ним были личные связи.

Ниже приводится отрывок из беседы с журналистом, работающим в Татарстане. Он описывает, как «предательство» одного чиновника привело к санкциям против целого СМИ со стороны государства. Респондент рассказывает, как у представителей этого СМИ появились трудности с доступом к информации и чиновникам после того, как критически настроенное СМИ (которое я анонимизирую в данном исследовании) начало печатать материалы, написанные человеком по имени «Б.», бывшим коллегой одного из высокопоставленных чиновников Республики Татарстан «А.»:

Б. [работавший с высокопоставленным чиновником А.] принялся писать книжки, где вывалил все, что он узнал будучи [коллегой А.]. Никаких особых там фактов не было, а были, ну, на основе наших же газетных публикаций какие-то истории коррупционные, то есть, ну, вот это все, то, что уже прежде

было опубликовано. То есть в принципе информационным бумом это не стало, а стало для А. вообще колоссальной бомбой – то есть предательство, вот, своего. А поскольку книгу Б. так-то отказывался печатать, шеф [местного СМИ] стал ее публиковать по главам. Небольшим главам, ну, тогда это вообще в принципе было принято, ну, и у А. тогда вообще произошел – бэмц! То есть его переключило [...]. Мне потом один из окружения А. сказал, что его переключило вот на этих публикациях Б. в [анонимизированном СМИ] (полевые материалы автора).

Трудности, которые возникли у СМИ после этих публикаций, респондент описывает следующим образом:

И после этого уже началось значительное закручивание гаек в отношении [этого СМИ]. То есть перестают звать на какие-то официальные мероприятия, не то чтобы перестают звать, а перестают пускать, ну, под всякими, ну, такое у нас было универсальное объяснение – вас много, я одна. То есть мест мало, извини, пожалуйста. Все те люди, которые мне отказывают... Ну, на официальных мероприятиях в основном те люди, которые мне отказывали, они – ну, извини, пожалуйста. Ну, вообще вот так вот. Но тем не менее доступа непосредственно к информации мы лишились, ну, не то что лишились, а официального доступа к информации. Учитывая, что при этом еще те люди во власти, с которыми я обычно общалась до этого, они стали так отодвигаться, ну, очевидно, получив тоже такие указания] (полевые материалы автора).

Журналист подчеркивает, что публикации, которые привели к санкциям, не были «информационной бомбой», так как повторяли информацию, которая в этом же СМИ ранее печаталась. Это СМИ до описанной выше ситуации имело репутацию критически настроенного издания, которое занимается политической и расследовательской журналистикой. Тем не менее, в интерпретации респондента и его «контакта» из чиновников, отношение к этому СМИ изменилось на высшем уровне власти Татарстана именно из-за отношений с человеком, который ранее работал с высокопоставленным чиновником, а затем опубликовал материалы, направленные против него. Отношения между чиновником и его бывшим сотрудником стали важнее самого содержания публикаций данного СМИ, и это СМИ пострадало от восприятия чиновником публикаций как «предательства», то есть санкции последовали из-за разрыва доверительных отношений между людьми.

Рассказ об этих событиях и последующих серьезных проблемах редакции содержит не столько факты, которые привели к упадку СМИ, сколько восприятие этой ситуации известным и успешным в регионе журналистом. То, что такой респондент воспринимает эти события как связанные именно с личными отношениями между чиновником, его бывшим сотрудником и конкретным СМИ, означает, что мой респондент так видит журналистское поле и соответствующим образом о нем говорит и в нем действует. То есть в стратегиях этого респондента и в его видении поля социальные связи между разными акторами, в том числе между представителями СМИ и конкретным влиятельным высокопоставленным чиновником, играют важную роль.

Другие респонденты говорили не о санкциях против конкретных СМИ и целых редакций, а о разных санкциях и вознаграждениях конкретных журналистов внутри одного и того же СМИ. Например, при мне чиновник в телефонном разговоре с одним из местных СМИ попросил, чтобы у него взял интервью конкретный журналист из издания, сказал, что другому он давать интервью не намерен. Один из моих респондентов-журналистов рассказал в нашем интервью о другой стороне подобного обмена: «Мэрия Казани может взять трубку от моего коллеги, но не взять от меня никогда. Ну, такие сволочи» (полевые материалы автора).

Респондент, работавший в региональном проекте «Радио Свобода», отметил, что в отдельных случаях он может добиться высокого уровня доступа к представителям власти: «Все равно есть какое-то отношение именно к журналистам, которых ты давно знаешь. То есть к нам, имеется в виду. Ну, работаю я здесь, там. Я как был таким человеком, так им и остался. [...] Это вредит меньше, иногда помогает». Эта позиция журналиста и его шансы на получение информации радикально отличаются от ситуации, с которой столкнулись журналисты, пишущие для этого же СМИ («Радио Свобода») в Крыму после 2014 года.

При этом любопытно, что даже если чиновник отказывается давать комментарий журналисту, отношения между чиновником и журналистом могут складываться так, что журналист сохраняет некоторую степень социального капитала, удерживает связь с чиновником и узнает причины отказа, может понять структуру власти и принятия решений:

Я интервью пытаюсь добиться два месяца от одного человека. Он сказал, что «да-да-да» – министр, который мне как-то сказал на одном Дне рождения: «Я не могу вам дать интервью, мне запретит аппарат Президента». Я люблю честность, спасибо. Потом я еще раз начал [добиваться], он сказал: «Да, давайте». Теперь месяц пытаюсь добиться, но нет времени, сегодня мне сказали: «Вы же понимаете, что не все от нас зависит». Я говорю: «Ну если он обещал, пусть уже отвечает за свои слова» (полевые материалы автора).

В этом описании чиновник фигурирует как человек, сохраняющий личные отношения с журналистом даже в том случае, если начальники запрещают ему общение с изданием, в котором работает конкретный журналист. Надежда журналиста на то, что он все же добьется интервью, основана на его социальном капитале, воплощенном в отношениях с конкретным чиновником.

Доступ к чиновникам с возможностью получать от них комментарии и информацию – важный элемент капитала внутри любого журналистского поля. Но есть и менее очевидные способы, с помощью которых представители власти или другие акторы внутри поля власти Татарстана могут влиять на накопление капитала среди журналистов. Вот как описал это в интервью один бывший медиаменеджер:

Смотрите, я не знаю, как в других регионах, но в Татарстане, это мне недавно, в том году что ли, пиарщик один сказал, который работает с провластными политиками: «В Татарстане тебе не скажут ведь, что ты, там, плохой, или не скажут, что ты, условно, бяка. Тебе же скажут, что ты не понимаешь. И даже

хуже того, тебе не скажут это в глаза, но в разговорах за спиной скажут – он не понимает». Все, точка. [...] То есть он не понимает вообще расклада сил, расстановок. Ну, то есть у человека нет внутреннего понимания. И это самый худший момент, который как бы внутреннего редактора запускает по полной программе (полевые материалы автора).

Когда я попыталась расспросить респондента, как он научился чувствовать такого рода границы, он привел пример не из профессиональной деятельности, а из личного опыта жизни в регионе:

Очень важно в острых темах быть достаточно толерантным. Ну, то есть для меня, там, например, обидеть человека по нации, расе или вере, вот вероисповедание для Татарстана – это вообще прям просто не то, что табу, но это очень серьезная такая тема. Возможно, из этого, вот из этой внутренней толерантности эта штука растет. Нам важно все-таки постараться как-то, вот, проскользнуть между Сциллой и Харибдой. [Интервьюер: Из какого опыта идет эта ценность?] Не знаю, не знаю. Из жизненного (полевые материалы автора).

Из представленного выше анализа журналистского поля Татарстана мы видим, что одна из стратегий аккумуляции социального капитала – это разделение скрытых транскриптов и публичных высказываний среди журналистов. Можно предположить, что в Татарстане социальный капитал играет более значимую роль, чем символический. Рассмотренные выше данные указывают на то, что в этом отношении Татарстан и Крым сильно различаются: в Крыму символический капитал важнее, чем в Татарстане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, ответу на поставленный в начале статьи исследовательский вопрос: как различаются типы капитала и стратегии его аккумуляции среди журналистов в разных регионах, имеющих разную степень автономии региональных властных институтов по отношению к федеральной власти РФ?

Рассматривая пример Крыма, можно предположить, что во время конфликта и в условиях жесткого дискурсивного противостояния властей с внешним «врагом» в журналистском поле наиболее ценным является символический капитал, или капитал легитимности, чести и престижа, обеспечивающий власть доминирующих групп. Этот тип капитала аккумулируется с помощью мобилизационной и прозрачной самоцензуры среди журналистов на работе: журналисты не допускают критические по отношению к властям репортажи, но открыто говорят об этой стратегии как о мобилизации в пользу выбранной ими стороны конфликта. В ситуации когда символический капитал является самым ценным ресурсом в поле, журналисты могут менее бережно выстраивать социальные связи в рамках своего поля и по отношению к актерам в других полях. Их защищает доверие, основанное на том, что они на работе (в редакциях) воспроизводят образ легитимного доминирования правящей группы. Этот тип самоцензу-

ры возникает там, где границы допустимых высказываний четкие, санкции за их несоблюдение жесткие, и они основаны на одной преобладающей линии разлома.

На основе анализа данных, собранных в Татарстане, можно предположить, что в мирное время в регионах с большей автономностью границы высказываний определяются попытками журналистов сохранить или повесить свой социальный капитал (то есть социальные связи с потенциальными источниками, особенно среди представителей власти). Используя термины Скотта (Scott 1990), можно сказать, что этот тип капитала аккумулируется с помощью разделения двух сфер: скрытых транскриптов (то есть закулисного дискурса, который явно не проговаривается в публичном пространстве) и публичных транскриптов (дискурса, который можно проговаривать в присутствии представителей власти и других социальных акторов) (см.: Архипова et al. 2016:11; Scott 1990). Этот тип самоцензуры или границ высказываний возникает там, где границы допустимых высказываний множественны, где они варьируются и пересекаются. В крымском журналистском поле более значим символический капитал, основанный на лояльности по отношению к федеральному центру РФ. Санкции за отступление от доминирующего дискурса федеральных российских властей по поводу территориальной принадлежности Крыма очень серьезны и могут повлечь за собой судебные разбирательства и аресты. При этом те респонденты в Крыму, которые избрали стратегию следования основному федеральному дискурсу («Крым – часть РФ») все время находятся в области публичного транскрипта и не просят об анонимности даже тогда, когда критикуют развитие ситуации в регионе по другим, менее болезненным для федеральных властей, вопросам. Они открыто говорят про самоцензуру, которая основана на их пророссийской позиции. Их самоцензура является такой же стратегией удержания символического капитала, как говорение о ней вне эфира и не для печати в газете (мне и другим). Журналисты, занимающие пророссийскую позицию, чувствуют защиту благодаря политике противодействия внешнему врагу на федеральном уровне.

В Крыму (в условиях конфликта на территории, которая контролируется федеральными властями) пределы допустимых высказываний в профессиональном контексте (в репортажах, текстах, на телевидении) среди журналистов определяются консенсусом, продиктованным федеральными властями для дискурсивного противостояния внешнему «врагу». Границы допустимых высказываний определяются на первом этапе (при становлении нового режима, в случае Крыма в 2015–2016 годах) цензурой со стороны представителей властей, а потом воспроизводятся самоцензурой среди самих журналистов и редакторов. При этом личная позиция проговаривается журналистами в частных разговорах и в социологических интервью без просьб об анонимности, так как личные позиции успешных журналистов Крыма повторяют позицию властей. Это означает, что среди успешных провластных журналистов Крыма «схлопнуты» публичные и скрытые транскрипты. Для них лояльность (консенсус с властями и согласие с провластными дискурсами) является источником символического капитала в журналистском поле, вовлеченном в конфликт. Они борются за ортодоксальный дискурс в ситуации, где

есть противостояние этим дискурсам (гетеродоксальные дискурсы) извне. Из-за борьбы за ортодоксальный дискурс весомый тип капитала в крымском журналистском поле – это символический капитал, основанный на лояльности федеральному центру РФ.

В татарстанском журналистском поле социальный капитал имеет большее значение, чем в Крыму, и является более весомым типом капитала, чем символический. На практике это воплощается в том, что респонденты во время исследовательского интервью просят об анонимности. То есть они в скрытых транскриптах предлагают динамичное видение власти, выходя со своего поля в анонимность, «за кулисы». Эта стратегия позволяет им удостовериться в том, что интервью с исследователем не будет иметь последствий внутри их профессионального поля и в поле власти, чтобы они смогли удержать социальный капитал в регионе. Журналисты в такой ситуации также могут выйти за пределы цензуры профессионального сообщества и высказывать суждения, которые не прошли через все фильтры журналистской этики. Эта стратегия избирается теми, кто не чувствует защиты в динамичном, сложном и сравнительно менее предсказуемом поле власти, где обиды и восприятие «предательства» среди влиятельных представителей власти могут играть большую роль.

В Татарстане (в мирное время на территории, которая не охвачена конфликтом и имеет большую автономию, чем Крым) не ведется борьба между ортодоксальным и гетеродоксальными полюсами, поэтому поле не структурируется дихотомией «свой – враг». В таком поле журналисты разделяют сказанное во время интервью (скрытые транскрипты) и то, что они готовы написать профессионально (публичные транскрипты), поскольку стремятся сохранить в регионе социальный капитал, где именно он играет большую по сравнению с символическим роль в определении позиций на поле власти. Журналисты во время интервью готовы сказать то, что не готовы напечатать от своего имени, они предпочитают говорить анонимно, поскольку боятся потерять свои источники информации и рассматривают их как часть капитала в профессиональном сообществе. Журналисты играют на сложном поле, которое расчерчено множеством разных границ.

Если в Крыму журналисты практикуют мобилизационную самоцензуру, основанную на лояльности Москве, то в Республике Татарстан они избирают стратегию аккуратной навигации многоуровневого поля власти через разделение скрытых и публичных транскриптов (Архипова et al. 2016:11; Scott 1990). Возможность уходить в скрытые транскрипты нужна журналистам тогда, когда они борются за социальный капитал в своем поле и в поле власти. Если символический капитал является более ценным, то для успешных журналистов снимается необходимость переходить в скрытые транскрипты. Любой транскрипт может оставаться публичным, даже при том что далеко не любое высказывание может попасть в журналистские публикации или в эфир, так как доверие основано именно на воспроизводстве доминирующих дискурсов на работе. Иными словами, если в поле власти доминирует один поляризующий вопрос (например, «Крым – это Россия?»), позиция по нему среди журналистов становится важнее, чем их социальные связи и другие типы капитала в поле. Они чувствуют защищенность вне зависимости от

своих высказываний по другим вопросам не в эфире и за пределами публикаций в СМИ. Если нет одного центрального поляризующего вопроса, то журналисты сталкиваются с множеством более мелких, но переплетенных между собой границ, и не чувствуют защищенности даже за пределами публикаций и эфиров, так как опасаются, что их слова могут повлечь за собой потерю необходимого для их карьеры социального капитала. Санкции в таком контексте не такие жесткие, как в Крыму, но для соблюдения множественности границ допустимых высказываний требуется больше усилий и социальных навыков.

Во время конфликта самоцензура является следствием консенсуса, который насаждается сверху, чтобы «внешние враги» не победили дискурсивно. В мирное время журналисты играют на более сложном поле с разными шкалами: нет дихотомии «свой – враг», и границы говорения определяются стратегиями сохранения и наращивания социального капитала в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипова, Александра, Анна Кирзюк, Дарья Радченко, Алексей Титков, и Ольга Христофорова. 2016. «“Фига в кармане” и другие теории символического сопротивления». С. 5–23 в *Городские тексты и практики. Символическое сопротивление*, под ред. Александры Архиповой, Дарьи Радченко и Алексея Титкова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Петров, Николай. 2015. «Крым: Превращение украинского полуострова в российский остров». *Контрапункт* 1:1–12.
- Benson, Rodney. 1999. “Field Theory in Comparative Context: A New Paradigm for Media Studies.” *Theory and Society* 28(3):463–498.
- Benson, Rodney. 2004. “Bringing the Sociology of Media Back In.” *Political Communication* 21(3):275–292.
- Benson, Rodney. 2006. “News Media as a ‘Journalistic Field’: What Bourdieu Adds to New Institutionalism, and Vice Versa.” *Political Communication* 23(2):187–202.
- Benson, Rodney. 2013. *Shaping Immigration News: A French-American Comparison*. New York: Cambridge University Press.
- Benson, Rodney, and Erik Neveu. 2005. “Introduction: Field Theory as Work in Progress.” Pp. 1–28 in *Bourdieu and the Journalistic Field*, ed. by Rodney Benson and Erik Neveu. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu, Pierre. 1986. “The Forms of Capital.” Pp. 241–258 in *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, ed. by John G. Richardson. Westport, CT: Greenwood.
- Bourdieu, Pierre. 1998. *On Television and Journalism*. London: Pluto Press.
- Bourdieu, Pierre. 2005. “The Political Field, the Social Science Field, and the Journalistic Field.” Pp. 29–47 in *Bourdieu and the Journalistic Field*, ed. by Rodney Benson and Erik Neveu. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu, Pierre. 2014. *On the State*. Malden, MA: Polity Press.
- Buchholz, Larissa. 2016. “What Is a Global Field? Theorizing Fields beyond the Nation-State.” *The Sociological Review Monographs* 64(2):31–60. doi:10.1002/2059-7932.12001.
- Bunn, Matthew. 2015. “Reimagining Repression: New Censorship Theory and After.” *History and Theory* 54(1):25–44. doi:10.1111/hith.10739.
- Burt, Richard. 1998. “(Un)Censoring in Detail: The Fetish of Censorship in the Early Modern Past and Postmodern Present.” Pp. 17–41 in *Censorship and Silencing: Practices of Cultural Regulation*, ed. by Robert C. Post. Los Angeles: The Getty Research Institute for the History of Art and the Humanities.
- Butler, Judith. 1987. *Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth-Century France*. New York: Columbia University Press.

- Champagne, Patrick. 2005. "The 'Double Dependency': The Journalistic Field between Politics and Markets." Pp. 48–63 in *Bourdieu and the Journalistic Field*, ed. by Rodney Benson and Erik Neveu. Cambridge: Polity Press.
- Couldry, Nick. 2003. "Media Meta-Capital: Extending the Range of Bourdieu's Field Theory." *Theory and Society* 32(5):653–677.
- Couldry, Nick. 2004. "Media Meta-Capital: Extending the Range of Bourdieu's Field Theory." Pp. 165–189 in *After Bourdieu: Influence, Critique, Elaboration*, ed. by David L. Swartz and Vera L. Zolberg. Dordrecht: Springer Netherlands.
- Davis, Aeron. 2010. "Forms of Capital and Mobility in the Political Field: Applying Bourdieu's Conceptual Framework to UK Party Politics." *British Politics* 5(2):202–223.
- Denisova, Anastasia. 2017. "Democracy, Protest and Public Sphere in Russia after the 2011–2012 Anti-Government Protests: Digital Media at Stake." *Media, Culture & Society* 39(7):976–994. doi:10.1177/0163443716682075.
- Fedirko, Taras. 2020. "Self-Censorships in Ukraine: Distinguishing between the Silences of Television Journalism." *European Journal of Communication* 35(1):12–28. doi:10.1177/0267323119897424.
- Freedom House. 2017. *Freedom in the World 2017: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Gouanvic, Jean-Marc. 2005. "A Bourdieusian Theory of Translation, or the Coincidence of Practical Instances." *The Translator* 11(2):147–166.
- Kenny, Timothy, and Peter Gross. 2008. "Journalism in Central Asia: A Victim of Politics, Economics, and Widespread Self-Censorship." *The International Journal of Press/Politics* 13(4):515–525.
- Lee, Francis L. F., and Angel M. Y. Lin. 2006. "Newspaper Editorial Discourse and the Politics of Self-Censorship in Hong Kong." *Discourse & Society* 17(3):331–358.
- Maheshwari, Swati. 2019. "Self-Censorship of the NiraRadia Tapes: A Critical Juncture in the Indian Journalistic Field." *International Journal of Communication* 13:4067–4086.
- Mazzarella, William, and Raminder Kaur. 2009. "Between Sedition and Seduction: Thinking Censorship in South Asia." Pp. 1–28 in *Censorship in South Asia: Cultural Regulation from Sedition to Seduction*, ed. by Raminder Kaur and William Mazzarella. Bloomington: Indiana University Press.
- Neveu, Erik. 2007. "Pierre Bourdieu: Sociologist of Media, or Sociologist for Media Scholars?" *Journalism Studies* 8(2):335–347.
- Post, Robert C. 1998. "Censorship and Silencing." Pp. 1–16 in *Censorship and Silencing: Practices of Cultural Regulation*, ed. by Robert C. Post. Los Angeles: The Getty Research Institute for the History of Art and the Humanities.
- Sapiro, Gisele. 2003. "The Literary Field between the State and the Market." *Poetics* 31(5–6):441–464.
- Schimpfössl, Elisabeth, and Ilya Yablokov. 2020. "Post-Socialist Self-Censorship: Russia, Hungary and Latvia." *European Journal of Communication* 35(1):29–45. doi:10.1177/0267323119897797.
- Schimpfössl, Elisabeth, Ilya Yablokov, Olga Zeveleva, Taras Fedirko, and Peter Bajomi-Lazar. 2020. "Self-Censorship Narrated: Journalism in Central and Eastern Europe." *European Journal of Communication* 35(1):3–11. doi:10.1177/0267323119897801.
- Schinkel, Willem. 2015. "The Sociologist and the State: An Assessment of Pierre Bourdieu's Sociology." *British Journal of Sociology* 66(2):215–235. doi:10.1111/1468-4446.12120.
- Scott, James C. 1990. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Simons, Greg, and Dmitry Strovsky. 2006. "Censorship in Contemporary Russian Journalism in the Age of the War against Terrorism: A Historical Perspective." *European Journal of Communication* 21(2):189–211.
- Tapsell, Ross. 2012. "Old Tricks in a New Era: Self-Censorship in Indonesian Journalism." *Asian Studies Review* 36(2):227–245. doi:10.1080/10357823.2012.685926.

- Thompson, John B. 1995. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Zeveleva, Olga. 2019. "How States Tighten Control: A Field Theory Perspective on Journalism in Contemporary Crimea." *British Journal of Sociology* 70(4):1225–1244. doi:10.1111/1468-4446.12615.
- Zeveleva, Olga. 2020. "Towards a Bourdieusian Sociology of Self-Censorship: What We Can Learn from Journalists Adapting to Rapid Political Change in Crimea after 2014." *European Journal of Communication* 35(1):46–59. doi:10.1177/0267323119897798.

SELF-CENSORSHIP AMONG JOURNALISTS IN TATARSTAN AND IN CRIMEA, A COMPARATIVE ANALYSIS: PIERRE BOURDIEU AND NEW CENSORSHIP THEORY

Olga Zeveleva

Olga Zeveleva, Oxford Russia Fellow, Department of Sociology, University of Cambridge; University of Helsinki. Address for correspondence: Aleksanteri Institute, PO Box 42, Unioninkatu 33, University of Helsinki, 00014, Finland. olga.zeveleva@helsinki.fi.

This article offers a preliminary analysis of a comparative study of journalistic fields in contemporary Tatarstan and Crimea. This analysis allows us to see how the boundaries of what can be said are established in two different regions of Russia that differ by degree of autonomy from their de facto federal center and by degree of regional involvement in geopolitical conflicts. The article investigates how the state sanctions certain media outlets and journalists and how these sanctions can differ by region and bring about varying adaptation strategies among journalists who are affected. The primary focus of the article is on adaptation strategies in the form of self-censorship. Drawing on 70 qualitative interviews conducted in Tatarstan and Crimea (after Russia's annexation of the peninsula), the article shows that in the journalistic fields of more autonomous regions that are not involved in conflict journalists value social capital more than other forms of capital. This means that personal connections among people are important for a journalist to become successful, and in these cases journalists are prone to drawing a distinct line between their "private transcripts" and "public transcripts," to use the words of James C. Scott. In regions that are relatively less autonomous and are embroiled in conflict, symbolic capital, or the capital of esteem and legitimacy of those on the top of the power hierarchy, plays a relatively more important role. In this situation journalists employ a strategy of "mobilizational self-censorship" in their journalistic work, but due to the smaller role of social capital they do not self-censor outside of the workplace.

Keywords: Journalism; Sociology of the Media; Tatarstan; Crimea; Bourdieu; Censorship; New Censorship Theory; Self-Censorship

REFERENCES

- Arkhypova, Alexandra, Anna Kirzyuk, Daria Radchenko, Alexey Titkov, and Olga Khristoforova. 2016. "Figa v karmane' i drugie teorii simvolicheskogo soprotivleniia." Pp. 5–23 in *Gorodskie teksty i praktiki: Simvolicheskoe soprotivlenie*, ed. by Alexandra Arkhypova, Daria Radchenko, and Alexey Titkov. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS.
- Benson, Rodney. 1999. "Field Theory in Comparative Context: A New Paradigm for Media Studies." *Theory and Society* 28(3):463–498.
- Benson, Rodney. 2004. "Bringing the Sociology of Media Back In." *Political Communication* 21(3):275–292.
- Benson, Rodney. 2006. "News Media as a 'Journalistic Field': What Bourdieu Adds to New Institutionalism, and Vice Versa." *Political Communication* 23(2):187–202.
- Benson, Rodney. 2013. *Shaping Immigration News: A French-American Comparison*. New York: Cambridge University Press.
- Benson, Rodney, and Erik Neveu. 2005. "Introduction: Field Theory as Work in Progress." Pp. 1–28 in *Bourdieu and the Journalistic Field*, ed. by Rodney Benson and Erik Neveu. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu, Pierre. 1986. "The Forms of Capital." Pp. 241–258 in *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, ed. by John G. Richardson. Westport, CT: Greenwood.
- Bourdieu, Pierre. 1998. *On Television and Journalism*. London: Pluto Press.
- Bourdieu, Pierre. 2005. "The Political Field, the Social Science Field, and the Journalistic Field." Pp. 29–47 in *Bourdieu and the Journalistic Field*, ed. by Rodney Benson and Erik Neveu. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu, Pierre. 2014. *On the State*. Malden, MA: Polity Press.
- Buchholz, Larissa. 2016. "What Is a Global Field? Theorizing Fields beyond the Nation-State." *The Sociological Review Monographs* 64(2):31–60. doi:10.1002/2059-7932.12001.
- Bunn, Matthew. 2015. "Reimagining Repression: New Censorship Theory and After." *History and Theory* 54(1):25–44. doi:10.1111/hith.10739.
- Burt, Richard. 1998. "(Un)Censoring in Detail: The Fetish of Censorship in the Early Modern Past and Postmodern Present." Pp. 17–41 in *Censorship and Silencing: Practices of Cultural Regulation*, ed. by Robert C. Post. Los Angeles: The Getty Research Institute for the History of Art and the Humanities.
- Butler, Judith. 1987. *Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth-Century France*. New York: Columbia University Press.
- Champagne, Patrick. 2005. "The 'Double Dependency': The Journalistic Field between Politics and Markets." Pp. 48–63 in *Bourdieu and the Journalistic Field*, ed. by Rodney Benson and Erik Neveu. Cambridge: Polity Press.
- Couldry, Nick. 2003. "Media Meta-Capital: Extending the Range of Bourdieu's Field Theory." *Theory and Society* 32(5):653–677.
- Couldry, Nick. 2004. "Media Meta-Capital: Extending the Range of Bourdieu's Field Theory." Pp. 165–189 in *After Bourdieu: Influence, Critique, Elaboration*, ed. by David L. Swartz and Vera L. Zolberg. Dordrecht: Springer Netherlands.
- Davis, Aeron. 2010. "Forms of Capital and Mobility in the Political Field: Applying Bourdieu's Conceptual Framework to UK Party Politics." *British Politics* 5(2):202–223.
- Denisova, Anastasia. 2017. "Democracy, Protest and Public Sphere in Russia after the 2011–2012 Anti-Government Protests: Digital Media at Stake." *Media, Culture & Society* 39(7):976–994. doi:10.1177/0163443716682075.
- Fedirko, Taras. 2020. "Self-Censorships in Ukraine: Distinguishing between the Silences of Television Journalism." *European Journal of Communication* 35(1):12–28. doi:10.1177/0267323119897424.
- Freedom House. 2017. *Freedom in the World 2017: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

- Gouanvic, Jean-Marc. 2005. "A Bourdieusian Theory of Translation, or the Coincidence of Practical Instances." *The Translator* 11(2):147–166.
- Kenny, Timothy, and Peter Gross. 2008. "Journalism in Central Asia: A Victim of Politics, Economics, and Widespread Self-Censorship." *The International Journal of Press/Politics* 13(4):515–525.
- Lee, Francis L. F., and Angel M. Y. Lin. 2006. "Newspaper Editorial Discourse and the Politics of Self-Censorship in Hong Kong." *Discourse & Society* 17(3):331–358.
- Maheshwari, Swati. 2019. "Self-Censorship of the NiraRadia Tapes: A Critical Juncture in the Indian Journalistic Field." *International Journal of Communication* 13:4067–4086.
- Mazzarella, William, and Raminder Kaur. 2009. "Between Sedition and Seduction: Thinking Censorship in South Asia." Pp. 1–28 in *Censorship in South Asia: Cultural Regulation from Sedition to Seduction*, ed. by Raminder Kaur and William Mazzarella. Bloomington: Indiana University Press.
- Neveu, Erik. 2007. "Pierre Bourdieu: Sociologist of Media, or Sociologist for Media Scholars?" *Journalism Studies* 8(2):335–347.
- Petrov, Nikolay. 2015. "Krym: Prevrashchenie ukrainskogo poluoostrova v rossiiskii ostrov." *Kontra-punkt* 1:1–12.
- Post, Robert C. 1998. "Censorship and Silencing." Pp. 1–16 in *Censorship and Silencing: Practices of Cultural Regulation*, ed. by Robert C. Post. Los Angeles: The Getty Research Institute for the History of Art and the Humanities.
- Sapiro, Gisele. 2003. "The Literary Field between the State and the Market." *Poetics* 31(5–6):441–464.
- Schimpfössl, Elisabeth, and Ilya Yablokov. 2020. "Post-Socialist Self-Censorship: Russia, Hungary and Latvia." *European Journal of Communication* 35(1):29–45. doi:10.1177/0267323119897797.
- Schimpfössl, Elisabeth, Ilya Yablokov, Olga Zeveleva, Taras Fedirko, and Peter Bajomi-Lazar. 2020. "Self-Censorship Narrated: Journalism in Central and Eastern Europe." *European Journal of Communication* 35(1):3–11. doi:10.1177/0267323119897801.
- Schinkel, Willem. 2015. "The Sociologist and the State: An Assessment of Pierre Bourdieu's Sociology." *British Journal of Sociology* 66(2):215–235. doi:10.1111/1468-4446.12120.
- Scott, James C. 1990. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Simons, Greg, and Dmitry Strovsky. 2006. "Censorship in Contemporary Russian Journalism in the Age of the War against Terrorism: A Historical Perspective." *European Journal of Communication* 21(2):189–211.
- Tapsell, Ross. 2012. "Old Tricks in a New Era: Self-Censorship in Indonesian Journalism." *Asian Studies Review* 36(2):227–245. doi:10.1080/10357823.2012.685926.
- Thompson, John B. 1995. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Zeveleva, Olga. 2019. "How States Tighten Control: A Field Theory Perspective on Journalism in Contemporary Crimea." *British Journal of Sociology* 70(4):1225–1244. doi:10.1111/1468-4446.12615.
- Zeveleva, Olga. 2020. "Towards a Bourdieusian Sociology of Self-Censorship: What We Can Learn from Journalists Adapting to Rapid Political Change in Crimea after 2014." *European Journal of Communication* 35(1):46–59. doi:10.1177/0267323119897798.